

День съ Чарли Чаплинымъ.

(Переводъ съ англійскаго.)

Однажды я приѣхалъ въ Холливудъ. Раскаленные лучи яркаго солнца освѣщали разнообразныя крыши волшебныхъ коттеджей всемірно извѣстнаго кинематографическаго городка. Съ высотъ Кахуэнгскаго перехода Холливудъ походить скорѣе на гигантскую выставку, нежели на городъ. Здѣсь всѣ виды архитектуры были представлены въ краскахъ — отъ золотисто желтой, до сверкающей голубой, соперничающей съ синевой неба.

Я подѣхалъ къ студіи Чаплина. (Мы заранѣе сговорились съ артистомъ по телеграфу, такъ какъ не видѣлись съ нимъ уже больше года). Съ полдюжины автомобилей, разнообразныя надписи которыхъ указывали на то, что они принадлежать полдюжинѣ различныхъ штатовъ, стояли здѣсь. На скамьѣ у стѣны въ конторѣ Чаплина загорѣлые мужчины и женщины терпѣливо ждали появления великаго «маленькаго чловѣчка», заставлявшаго ихъ такъ много смѣяться.

— Почему вы позволяете имъ ждать въ помѣщеніи? И почему мистеръ Чаплинъ не выйдетъ къ нимъ? Видѣ это заняло бы не больше минуты, — спросилъ я одного изъ секретарей.

Въ отвѣтъ онъ только краснорѣчиво пожалъ плечами.

Пожавъ руку Тома — Тома Харингтона — въ теченіе многихъ лѣтъ бывшаго секретаремъ и лакеемъ Чаплина, я спросилъ:

— Гдѣ Чарли?

— Не видѣлъ его уже два дня. Онъ совсемъ не появляется въ студіи.

Чарли работалъ надъ одной изъ своихъ картинъ, но онъ не всегда въ состояніи противостоятъ искушенію сбѣжать и попытаться забыть, что онъ работаетъ. Сотни мужчинъ и женщинъ нетерпѣливо расхаживаютъ взадъ и впередъ, одѣтые въ разнообразные костюмы, присущіе ихъ ролямъ. Операторы съ аппаратами наготовѣ ждали на своихъ постахъ, потому что никто не зналъ, когда Чарли, появившись такъ же внезапно, какъ и исчезъ, возобновитъ работу, какъ будто онъ прервалъ ее всего нѣсколько минутъ тому назадъ.

Завладѣвъ одной изъ уборныхъ, я погрузился въ большой бассейнъ для плаванія, гдѣ нѣсколько русалокъ наслаждалось въ прохладныхъ струяхъ, пользуясь отсутствіемъ Чаплина.

Я пробылъ въ водѣ всего нѣсколько минутъ, когда громкій возгласъ извѣстилъ меня о прибытіи Чарли Чаплина. Русалки моментально выскочили изъ бассейна, оставивъ меня одного, и бросились одѣваться.

Чарли, немного похудѣвшій и постарѣвшій со времени, нашего прошлогодняго свиданія, присѣлъ на краю бассейна и, снявъ ботинки, сталъ болтать своими маленькими, по-женски красивыми ногами въ прохладной водѣ.

Вездѣущему Тому, приблизившемуся, чтобы прошептатъ ему что-то на ухо, онъ отвѣтилъ, пожавъ плечами:

— На сегодня довольно... Завтра въ семь!

Сидя по горло въ водѣ, мы поговорили о томъ, о семь. Потомъ Чарли неожиданно предложилъ:

— Пойдемте, повидаемъ Дуга.

Пока я одѣвался, мы продолжали бесѣду. Я не могъ понять, что съ нимъ случилось. Онъ былъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ всегда. Онъ видимо, дѣлалъ усиліе, чтобы казаться оживленнымъ, какая-то безотчетная грусть замѣтна была на его лицѣ, пальцы непрерывно нервно двигались.

— Что съ вами случилось, чортъ возьми?

Но я взялъ невѣрный тонъ, потому, что тотчасъ же онъ сталъ кривляться, дурачиться, пѣть пѣсенки на еврейскомъ жаргонѣ и показавъ мнѣ свой новый фокусъ со шляпой. Онъ защищался отъ назойливости, стараясь замкнуться. Я подчинился его капризу. Черезъ нѣсколько минутъ мы были готовы, чтобы идти. Когда мы выходили, я вспомнилъ ожидающихъ его поклонниковъ.

— Чарли, — сказалъ я. — Тамъ ждутъ сорокъ чловѣкъ, проѣхавшихъ тысячи километровъ, чтобы увидѣть васъ. Тамъ есть маленькіе мальчики и маленькія дѣвочки, которыхъ можно осчастливить. Когда они вернутся домой, они раскажутъ міру, — своему маленькому міру, — что они видѣли васъ своими собственными глазами.

Чарли поблѣднѣлъ.

— Я изъ-за этого не былъ здѣсь въ теченіе двухъ дней. Тамъ есть старикъ съ ужаснымъ лицомъ, и онъ ждетъ передъ моей дверью уже цѣлую недѣлю... Я не могу этого сдѣлать.

Зная впечатлительность Чарли, я понималъ

его настроеніе. Все же я взялъ его подъ руку и почти насильно потащилъ въ контору.

— Вотъ мистеръ Чаплинъ, — сказала я присутствующимъ, въ то время, какъ артистъ улыбался и старался выглядѣть спокойно.

Какой-то чловѣкъ поднялся со скамьи и, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Чарли Чаплину, какъ это дѣлали всѣ, распахнулъ двери и закричалъ:

— Входите всѣ!

Какое неписуемое возбужденіе, какіе крики радости и восторга царили въ теченіе нѣсколькихъ минутъ...

Чаплинъ, отбросивъ присущую ему застенчивость, пожималъ руки направо и налево и говорилъ всѣмъ, какъ онъ радъ ихъ видѣть. Онъ раздавалъ свои портреты съ автографомъ, портреты, столь непохожіе на вертлявую, жестикулирующую и неловкую фигуру экрана.

Оспарывая на суковатую палку, вошелъ старикъ, съ бѣгающими, какъ у мышонка, глазами и толстой губой, отвесающей на чрезмѣрно длинный подбородокъ. Спокойствіе и веселость тотчасъ покинули Чарли. Онъ умоляюще посмотрѣлъ на меня, какъ ребенокъ въ минуту опасности смотритъ на взрослого, ожидая отъ него защиты и помощи. Это былъ тотъ чловѣкъ. Онъ приблизился къ артисту и сталъ пристально разсматривать его, какъ будто онъ смѣтрѣлъ на какой-то новый, невиданный сортъ картофеля. Потомъ, съ вытннутымъ, напряженнымъ лицомъ онъ повернулся къ остальнымъ и сказалъ:

— Это не онъ.

Мужчины, женщины и дѣти замолчали. Если бы они жаждали золота и имъ бы сказали, что самородокъ просто мѣдь, они не могли бы быть болѣе разочарованы.

— Вонъ его, — закричалъ Чарли, — вонъ... Но даже раньше, чѣмъ Томъ успѣлъ сказать этому чловѣку, чтобы онъ вышелъ, возбужденная толпа вытолкнула старика за дверь, и по лицамъ дѣтей я видѣлъ, какъ имъ хочется бросать все, что ни попадетъ педь руку, ему въ голову.

Я увелъ дрожащаго артиста въ его уборную и выглянулъ въ окошко, чтобы видѣть, что будетъ дальше.

Одинъ за другимъ развѣзжались автомобили, одни направо, другіе — налево. Хотя всѣ эти люди не хотѣли вѣрить старику, все же онъ поколебалъ ихъ увѣренность. Они столь же готовы были вѣрить, какъ и сомнѣваться.

Старикъ медленно уходилъ, и, хотя изъ автомобиля ему вслѣдъ неслись проклятыя взрослыхъ и дѣтей, онъ качалъ головой и упорно повторялъ: «Это не онъ».

Скоро мы остались одни.

— Проведемъ вечеръ вмѣстѣ, — предложилъ Чарли.

У меня было какое-то дѣло, но его голосъ былъ такимъ умоляющимъ. Все его великое одиночество сказало въ этихъ немногихъ словахъ. Въ его глазахъ промелькнула благодарность, когда я отвѣтилъ ему, что я уже заранѣе рѣшилъ это.

Мы только что начали обѣдать, когда старикъ съ мышиными глазками и отвисшей губой появился въ дверяхъ кофейни. Ложка выпала изъ рукъ Чарли Чаплина. Старикъ остановился у двери. На одну лишъ секунду взгляды его остановились на артистѣ, потомъ сталъ перебѣгать отъ столика къ столику. Я всталъ и подошелъ къ нему.

— Скажите мнѣ, — спросилъ я. — Почему вы сказали, что это не онъ, когда смѣтрѣли на мистера Чаплина. Что заставило васъ сказать это?

— Конечно, это не онъ, — отвѣтилъ старикъ. — Развѣ я его не знаю. Я бы узналъ его изъ сотни, изъ тысячи...

— Его? Кого? — спросилъ я.

— Моего сына, — отвѣтилъ старикъ — Я иду его уже пять лѣтъ. Онъ исчезъ изъ дома... Люди сказали мнѣ, что онъ сталъ кинематографическимъ артистомъ. Когда я пришелъ сюда на прошлой недѣлѣ, кто-то сказалъ мнѣ, что мистеръ Чарли и есть мой сынъ... Но это неправда. Развѣ я не знаю его... Онъ былъ головой выше пяти лѣтъ тому назадъ.

Чарли дрожалъ съ головы до ногъ, когда я подвелъ старика къ нашему столику. Когда я рассказалъ ему исторію старика, онъ захотѣлъ узнать все. Часомъ позднѣе, когда мы выходили изъ кофейни, онъ спросилъ: — Что такое отцовская любовь? — И потомъ прибавилъ задумчиво: — Нѣтъ такого отца, который разсыкивалъ бы меня.

Опять появился неизбежный Томъ. Чарли шепнулъ ему что-то. Томъ побѣжалъ, а мы остались его ждать. Минутой позднѣе онъ появился съ шапкой. Чарли надѣлъ шапку, надвинулъ ее на глаза и слегка повернулъ на бокъ. Онъ срезу сталъ неузнаваемъ. Галстукъ сдвинулся на бокъ, одна изъ манжетъ высунулась изъ-подъ рукава, даже походка стала какой-то иной.

— Пойдемте въ Лосъ-Анжелосъ и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

— Ну, у васъ немного шансовъ сохранить свое инкогнито, — замѣтилъ я. — Васъ сей часъ же узнаютъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Чарли.

Я посмотрѣлъ на него. Какое превращеніе! Его штаны висѣли складками, плеча сторбились, папириска уныло торчала въ углу рта. Онъ ничѣмъ не отличался отъ сотни молодыхъ бездѣльниковъ, которые толпились на улицахъ улицъ. Мы шли рядомъ, причѣмъ Чарли рассказывалъ мнѣ фантастическую исторію про какого-то мифическаго хозяина, который съ нимъ якобы такъ плохо обращался... — Если онъ не дастъ

мнѣ прибавки на слѣдующей недѣлѣ, я уйду... Клянусь Богомъ, я уйду, — повторилъ онъ нѣсколько разъ — И я скажу этому бюрократу, что такъ нечестно.

Онъ поразительно вошелъ въ роль чловѣчка, одеждѣ, походкѣ и разговору котораго подражалъ. Его голосъ дрожалъ этъ гнѣва. Мы остановились на перекресткѣ, чтобы послушать социалистическаго оратора, и ни одинъ чловѣкъ не выказывалъ своего одобренія словамъ оратора больше, чѣмъ Чарли Чаплинъ:

— Вотъ это вѣрно... Каждое слово, — и громкимъ разговоромъ со мною онъ привлекъ вниманіе публики. — Мой хозяинъ въ одинъ мѣсяцъ приобрѣлъ себѣ два новыхъ автомобиля. Клянусь Богомъ, что-нибудь надо сдѣлать...

Онъ такъ часто повторялъ это «что-нибудь надо сдѣлать», что нѣсколько чловѣкъ, которые раньше, казалось, слушали оратора совершенно равнодушно, теперь, туже восклицали: «что-нибудь надо сдѣлать». И только послѣ этого Чарли двинулся дальше.

Мнѣ хотѣлось смѣяться, такое это было великолѣпное подражаніе. Но взгляды Чарли... — я не смогъ смѣяться надъ несчастнымъ.

— Это позоръ... Почему они платятъ кинематографическому артисту тысячи долларовъ въ недѣлю и не могутъ прилично оплатить трудъ хорошаго ремесленника. Позоръ, что кинематографическіе артисты получаютъ все только за то, что они забавляютъ людей... А мы, которые работаемъ, не получаемъ ничего или почти ничего.

— Что же? Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ этого, — возразилъ я, впадая въ его настроеніе. — Взять, напримѣръ, Чарли Чаплина.

— Ерунда, — отвѣтилъ Чарли. — Онъ этого совершенно не стоитъ. И, кромѣ того, ему такъ весело работать. А какое веселье извлекаю я изъ своей работы? Если бы я игралъ, какъ онъ, мнѣ было бы совершенно все равно, платятъ мнѣ или нѣтъ.

Когда позднѣе мы сидѣли въ маленькомъ рабочемъ кафе, Чарли рассказалъ мнѣ, какъ онъ инкогнито поѣхалъ въ Санъ-Франциско, чтобы выиграть призъ, предложенный мѣстными кинематографами чловѣку, который лучше всѣхъ сумеетъ представить Чарли Чаплина. Я сдѣлалъ все, что могъ, — увѣрялъ меня Чарли, — но не выигралъ, даже мелкаго выигрыша. Чловѣкъ, получившій первый призъ, былъ ужасенъ. Если я выгляжу такимъ — въ глазахъ другихъ...

Онъ больше не захотѣлъ сказать ни одного слова.

Однако, когда мы опять вышли на улицу, Чарли выпрямился, поправилъ шапку и манжеты и тотчасъ же былъ узнавъ прохо-

жимъ, который поздоровался съ нимъ и проводилъ насъ до слѣдующаго угла.

Я не зналъ, что Коно, шоферъ Чарли, ѣхалъ за нами все время. Мы сѣли въ машину такъ просто, какъ будто знали, что она была тутъ поблизости все время.

Бѣшеной быстротой, нарушая всѣ правила ѣзды по городу (всѣ полицмены знали машину Чарли Чаплина), мы отправились смѣтрѣть борьбу. Я не могъ удержатъ Чарли на мѣстѣ. Люди, сидѣвшіе зади насъ, все время кричали: «сядьте»... Онъ увлекся однимъ изъ борцовъ, и такъ воплотился въ него, что когда тому наносили ударъ, Чарли кричалъ отъ боли. Когда борецъ получилъ ударъ въ животъ, Чарли весь согнулся; когда тому чуть не свернули скулы — Чарли схватился за щеку, и когда, наконецъ, чемпионъ былъ положенъ на обѣ лопатки — мой другъ буквально повалился мнѣ въ объятія.

У дверей цирка одинъ изъ друзей Чаплина сказалъ мнѣ:

— Онъ всегда поддерживаетъ побѣжденныхъ.

Чарли посмотрѣлъ на него большими дѣтскими глазами, увлажненными отъ боли.

— Были ли вы когда-нибудь борцомъ? — спросилъ Чаплинъ.

— Нѣтъ.

— А я былъ. Я всегда бывалъ побѣжденнымъ. А знаете ли почему? Потому что побѣдитель всегда ѣлъ накануне лучше, чѣмъ я — Потомъ, повернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Никогда не дѣлайтесь знаменитостью.

— А вы? — спросилъ я.

— Мнѣ очень жаль, — сказалъ Чарли какъ бы извиняясь. — Но для меня не было выбора — либо это, либо смерть.

— А развѣ не такъ же обстоитъ дѣло съ остальными?

— Такъ же, — согласился онъ, — но это ужасно.

Мы сѣли въ автомобиль и поѣхали опять въ Холливудъ. Было около полуночи, но улицы кишѣли народомъ попржекнему. Хотя не было видно костюмированныхъ людей, но Холливудъ остался такимъ же фантастическимъ. Контуръ и тѣни испанскихъ бугало и пагодъ и странно расцвѣченные фанарики, виднѣвшіеся сквозь спущенныя жалюзи оконъ, дѣлали кинематографическій городъ еще менѣе реальнымъ, чѣмъ днемъ. Хотя давно уже наступила ночь, казалось, что все еще продолжаютъ сумерки.

— Мнѣ хочется ѣсть, — сказалъ Чарли и шепнулъ что-то шоферу.

Разговаривая такимъ образомъ, мы вошли въ довольно шикарное «русское кабарѣ», гдѣ почти никого не было. Мы были, кажется, единственными посетителями Лакей толка-

ли другъ друга, стремясь услужитъ намъ. Изъ боковой двери показались съ полдюжины русскихъ женщинъ и трое мужчинъ — всѣ одѣтые въ пыганскіе костюмы. Одинъ изъ мужчинъ подошелъ къ роялю, остальные начали пѣть русскую пѣсню.

Когда пѣсня окончилась, всѣ сѣли отдыхать, кромѣ одной молодой женщины, которая стала пѣть соло. По окончаніи этого номера, одинъ изъ мужчинъ сталъ плясать тавецъ, не менѣе дикій, чѣмъ пѣсня. Это былъ «танецъ кинжаловъ», которые онъ выкаль въ полъ, вертятся и кружась между ними.

Обѣдъ былъ конченъ, и намъ хотѣлось уйти, но неловко было вставать въ то время, когда кто-нибудь поетъ или играетъ, а русскіе не оставляли ни малѣйшаго промежутка между своими номерами. Это одной пѣсни еще звучало въ воздухѣ, когда уже начиналась другая.

— Пойдемъ, — сказалъ я Чарли.

Онъ протестующе поднялъ руки, какъ бы говоря: «Какъ мы можемъ...»

Около дюжины глазъ были устремлены на насъ. Чловѣкъ съ кинжалами все танцевалъ. Пианистъ наигрывалъ еще одну сентиментальную балладу. Я былъ готовъ встать и закричать... готовъ былъ совершить убійство... Но въ эту минуту двери ресторана открылись, пропуская двухъ молодыхъ дамъ въ бѣлыхъ, довольно потрепанныхъ, туалетахъ (это было простительно, принимая во вниманіе поздній часъ) и двухъ элегантныхъ мужчинъ.

Рѣдко спасеніе приходило болѣе кстати.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, — закричалъ Чарли, низко кланяясь.

Прежде чѣмъ эти люди успѣли сѣсть, мы бросились къ выходу. Шоферъ спалъ, склонивъ огромную черную голову на руки, лежавшія на рулѣ.

— Мнѣ такъ хочется спать... Я такъ усталъ... — и согнувшись на своемъ мѣстѣ, Чарли уснулъ.

Коно повезъ его домой, а я пошелъ пѣшкомъ въ свой отель.

На Западномъ бульварѣ на каждомъ шагѣ я встрѣчалъ мужчинъ и женщинъ... Всѣ они приѣхали въ Холливудъ, полные тщеславныхъ надеждъ, а теперь бродили по бульвару, потому что имъ негдѣ было ночевать...

Немного позднѣе шикарный лимузинъ везетъ собаку — знаменитую кинематографическую «звѣзду», на ея утреннюю прогулку.

Я заглянулъ еще разъ въ окно русскаго кабарѣ.

Обѣ пары все еще были тамъ. Русскіе бѣшено танцевали, звуки пѣсни слышны были даже сквозь закрытыя окна.